

INSTITUTE OF LANGUAGE SCIENCE OF THE RAS, MOSCOW

UDC 81-373.21
 BBC 81.2-3
 Linguistics, toponymy

ANCIENT RUSSIAN TOPONIMES OF THE RYAZAN LAND:
 ORIGIN AND STRUCTURE

Doctor of Philology Yu. Yu. Gordova
 Senior Researcher, Institute of Linguistics, RAS

Abstract. In the course of the structural and etymological analysis of the Ryazan toponyms mentioned in ancient Russian monuments of writing, the main ways of the origin of the names of cities, rivers, forests, fields, the principles of nomination realized, the structure of names, and also relevant in Ryazan toponymy of the XI-XIV centuries are determined. topobases and topoformants.

Key words and phrases: Old Russian toponymy, geographical names of the Ryazan land, etymology of toponyms, structure of toponyms, principles of nomination of Russian toponymy.

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

УДК 81-373.21
 ББК 81.2-3
 Языкознание, топонимика

ДРЕВНЕРУССКИЕ ТОПОНИМЫ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ:
 ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТРУКТУРА

Доктор филологических наук Ю. Ю. Гордова
 Старший научный сотрудник Института языкознания РАН

Реферат. В ходе структурного и этимологического анализа рязанских топонимов, упоминаемых в древнерусских памятниках письменности, определяются основные пути происхождения названий городов, рек, лесов, полей, реализованные при этом принципы номинации, структура названий, а также актуальные в рязанской топонимии XI – XIV вв. топоосновы и топоформанты.

Ключевые слова и фразы: древнерусская топонимия, географические названия Рязанской земли, этимология топонимов, структура топонимов, принципы номинации русской топонимии

1. Введение

В древнерусских памятниках письменности (летописях, воинских повестях, сказаниях) упоминается около 70 топонимов Рязанской земли, в основном это названия городов, чуть менее названия сельских поселений, рек и совсем редко микротопонимы и хоронимы (они даются в современной орфографии, в ряде случаев приводятся их летописные формы): *Рязань*, *Переяславль* («Переяславль Рязанский», «Переяславль на Трубежѣ»), *Пронск* (*Пронескъ*), *Колтеск*, *Тешилов* (*Тѣшиловъ*), *Нерилск* (*Неринескъ*), *Воин* [?] (*Воино*), *Казарь*,

Черленый Яр, *Великая Ворона* (река), *Ростиславль*, *Бельград*, *Быстрая Сосна* (река), *Борисов Глебов*, *Опаков*, *Кадам*, *Ужеск*, *Олгов*, *Ока*, *Добрый Сот*, *Половецкое поле*, *Пра* (река), *Исады*, *Зареческ* (*Зарѣческъ*), *Мерскои*, *Ижеславец*, *Солодша* (река), *Остромеринское*, *Непложа* (река), *Ровец*, *Жерновица*, *Воина* (река), *Шишевский лес*, *Вожя* (река), *Листань* (река), *Крим ханский*, *Ранова*, *Бобруеск*, *Венев*, *Вердерев*, *Дубечен*, *Дубок* («въ верху Дону Дубокъ»), *Зареческ*, *Корнике* (*Корникѣ*), *Крилтеск*, *Ломихвост*, *Михайлов*, *Никитин* («На Павлѣ Никитинѣ»), *Новго-*

родок («Новгородокъ на Осетръ»), *Новый городок Олгов* («Новый городокъ Олговъ на усть Пронѣ»), *Осетр*, *Перевитеск*, *Плава*, *Рославль Польскый* (*Рославль Полскый*), *Свинеск*, *Торческ*, *Трубезж*, *Урюпеск*, *Шилов*, *Шипино* [6. С. 110-115].

Целью настоящей работы является этимологический и структурный анализ приведенных топонимов, установление их происхождения и основных принципов номинации древнерусского времени, определение структуры, формы названий, а также круга топооснов и топоформантов.

2. Основные принципы номинации, объяснение происхождения рязанских топонимов

Анализ названий с более или менее надежной этимологией показывает, что в древнерусской топонимии региона отражены преимущественно пять принципов номинации, характерных для славянской топонимии в целом.

А) Название отражает соотношение двух объектов: поселение < река (знак «<» показывает путь перехода топоосновы при трансонимизации); поселение < поселение; поселение < природный объект; поселение < рукотворный (природно-рукотворный) объект; природный объект < поселение (река); природный объект < природный объект.

Из указанных типов отношений самым частотным в древнерусский период является тип, когда поселение получает своё имя по реке, на берегу которой основано. К названиям, отражающим данный принцип номинации, относятся: *Пронь* / *Пронеск* (от гидронима *Проня*), *Венёв* (от гидронима *Венева*), *Нерильск* (от гидронима *Нерль*). В регионе топонимы данного типа известны с сер. XII в.

Второй тип отношений (поселение < поселение) отражают названия: *Ижеславец* (от ойконима *Ижеславль*), *Новый городок Олгов* (от ойконима *Олгов*, позднее *Старый Льгов*).

Остальные типы отношений представлены (в рязанской топонимии) единичными примерами: *Дубок*, по расположению около дубового леса (известен с кон. XIV в.); *Исады*, по расположению близ места высадки, пристани (нач. XIII в.); *Шишевский лес*, по расположению вблизи поселе-

ния *Шишево* или реки *Шиш* (вт. пол. XIV в.); поле *Половецкое*, по расположению на краю *Половецкой* степи, которая находилась под контролем половцев (нач. XIII в.); *Червленый Яр*, очевидно, первоначально название мелкого природного объекта (апеллятив *яр* «обрыв»), известна и река *Червленый Яр* (сер. XII в.).

Указанные принципы номинации использовались при образовании топонимов разных разрядов: и ойконимов, и микротопонимов, и хоронимов. В хоронимии название поля, пространства могло соотноситься как с названием более мелкого (часть степи *Червленый Яр* < мелкий орографический объект, река), так и более крупного объекта (*Половецкое* поле < *Половецкая* степь).

Б) Название дано по имени основателя поселения («...созда во имя свое град...»), по принадлежности называемого объекта определенному лицу. Среди имеющихся примеров – все названия населенных пунктов (городских и сельских): *Ростиславль*, *Олгов*, *Кир Михайлов*, *Никитин*, *Михайлов*, *Шилов*, *Шипино*. Эпонимы наиболее древних из них известны. Так, в частности, город *Кир Михайлов* получил свое название по имени *Кира Михаила*, пронского князя (ум. в 1217 г.); *Олгов* – по имени вел. кн. *Олега Рязанского*. Относительно эпонима и мотива присвоения названия городу *Ростиславль* в источнике есть прямое указание: «Того же лета князь Ростислав Ярославич рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки» (1153 г., Никоновская Летопись) [3. Т. 9. С. 197].

Названия, отражающие данный принцип номинации, известны в рязанской топонимии с сер. XII в. (*Ростиславль*), он остается актуальным до нач. XIII в.: в этот период появляются города *Олгов*, *Кир Михайлов* [3. Т. 1. С. 181-182; 2. С. 107, 110; 4. Т. III. С. 176-182]. Памятники конца XIV в. фиксируют новые названия данного типа: *Никитин*, *Михайлов*, *Шилов* и др. [3. Т. 7. С. 241].

Названия водных или иных природных объектов (в Рязани), отражающие данный принцип номинации, в памятниках письменности не отмечены.

В) Название дано в память о ком-либо. Номинация данного типа представлена единичным примером в рязанской топонимии:

Борисов Глебов (упом. в кон. XII в.; Воскресенская Лет., Лавр. Лет. [3. Т. 7. С. 95; Т. 1. С. 164]), название города связывают с именами благоверных князей *Бориса* и *Глеба*, убитых в ходе княжеских междоусобиц. Аналогичные топонимы, известные в других русских регионах (*Борисоглебск*, яросл., кон. XV в.; *Борисоглебск*, ворон., название известно с 1704 г.; *Борисоглебская слобода*, ивановск., кон. XIV в.) даны по церкви [10. С. 426, 77, 476], в связи с чем нельзя исключать посредства названия церкви и в образовании рассматриваемого топонима. Важным в этой связи представляется тот факт, что с именами святых Бориса и Глеба связана одна из самых ранних церквей на территории Рязанской земли, которая располагалась в столице княжества Рязани, ее возведение относят к сер. XII в. Ойконим **Борисов Глебов** впервые упоминается в конце века, существовала ли на территории поселения церковь с тем же имя-посвящением, нам неизвестно. По некоторым материалам, именно в конце XII в. (в 1190-х годах) «наблюдается широкая волна строительства храмов и освящений престолов в честь братьев-мучеников по всей Руси», а в Муромо-Рязанском княжестве этих святых почитали особо, так как князь Глеб правил в Муроме и позднее считался местным святым [5. С. 143].

Приведенные ойконимы других регионов, связь которых с культовым названием более или менее надёжно установлена, имеют иную структуру и более позднее время возникновения, то есть они создавались в иных условиях: в условиях актуальности иных принципов номинации и иных моделей [8. С. 121-123].

Г) *Название отражает факт основания, постройки нового поселения.* Один из наиболее ранних примеров названий данного типа в древнерусской топонимии – топоним **Новый город**, упоминаемый с сер. IX в., но, возможно, известный уже в VI в. [10. С. 295]. В рязанской топонимии название данного типа – **Новгородок** – фиксируется лишь в кон. XIV в. [3. Т. 7. С. 241].

Д) *Название дано по роду занятий населения.* Данный принцип представлен в рязанской топонимии названием **Добрый Сот**, отражающим занятие местных жителей бортничеством. Поселение известно с нач. XIII в. [3. Т. 1. С. 181-182].

Принципы номинации, реализованные в других рязанских топонимах древнерусского времени, точно не установлены: названия допускают несколько толкований, либо их происхождение неизвестно (**Град Бель** (*Бельград*), **Вердерев**, **Дубечин**, **Колтеск** (*Кулатеск*), **Корнике**, **Крилатеск**, **Ласково**, **Ломихвост**, **Опакон**, **Перевитеск**, **Тешилов**, **Торческ**, **Урюпеск**).

В летописных гидронимах и гидронимах, которые могут быть восстановлены из состава древнерусских ойконимов, воплощены иные принципы номинации. Все они связаны с отражением природных особенностей объекта, среди которых наиболее заметными являются: конфигурация русла (**Трубеж** «река, ответвляющаяся от основной реки в виде трубы»), характер водной поверхности или местности протекания (**Листань** «лиственная, покрытая опавшими листьями»), **Лыбедь** «река с белой пеленой (туманом) над водной гладью», название-метафора, одно из допустимых значений), прибрежная флора и фауна (**Бобруйа** «богатая бобрами»).

3. Структура древнерусских топонимов

В древнерусской топонимии региона представлены онимы простой (однословной), составной (двуосновной) и сложной (двух- или трёхсловной) структуры.

Подавляющее большинство названий имеет простую (однословную) структуру. Она характерна и для названий поселений (**Бобруеск**, **Вердерев**, **Воино**, **Исады**), и для названий рек (**Листань**, **Лыбедь**, **Плава**), и для названий мелких и крупных природных объектов (лес **Шишевский**, поле **Половецкое**).

Составная (двуосновная) структура встречается у топонимов реже. Как правило, такую структуру имеют названия поселений (Бельград, Новгородок), причем в некоторых случаях двуосновные имена легко трансформируются в имена двухсловные, путем распада структуры на два самостоятельных слова с сохранением вида связи между ними: **Бельград** – **град Бель**, **Новгородок** – **Новый городок**.

Примеры гидронимов и микротопонимов, имеющих данную структуру, отсутствуют.

Что касается топонима **Ломихвост**, то его структуру следует рассматривать как простую, так как, скорее всего, топоним

образован от прозвищного имени *Ломихвост*, которое в свою очередь возникло из словосочетания «ломи хвост», но непосредственно топоним связан только с именем простой структуры.

Названия сложной структуры, состоящие из двух или трех элементов, также не характерны для древнерусской топонимии региона, тем не менее, они встречаются чаще названий двусловных. Такую структуру могут иметь и ойконимы (*Борисов Глебов, Добрый Сот, Рослаль Польский*), и гидронимы (*Быстрая Сосна, Великая Ворона*), и хоронимы (*Червленый Яр*).

Преобладающий тип – топоним, представляющий собой словосочетание *прилагательное + существительное* с подчинительной связью (*Добрый Сот, Быстрая Сосна*). Единичны примеры названий, в которых оба элемента связаны между собой лишь семантически, при помощи союза *и* (*Борисов Глебов, Борисов и Глебов*), и топонимов трехсловной структуры (*Новый городок Олгов*).

3.1. Формы топонимов

Топонимы простой (однословной) структуры представлены формами прилагательного (краткого и полного) и существительного.

Наиболее типичной для региональной топонимии является форма имени прилагательного. В группе топонимов данного типа самое значительное место занимают они, являющиеся притяжательными прилагательными: *Рязань, Казарь, Переяславль, Ростиславль, Рослаль (Польский), Пронь, Борисов Глебов, Олгов, Опаков, Венев, Вердерев, Кир Михайлов, Михайлов, Тешилов, Шилов* и др.

Далее следуют топонимы, имеющие форму краткого относительного прилагательного: *Бобруеск, Колтеск (Кулатеск), Крилатеск, Нерильск, Перевитеск, Пронеск, Торческ, Ужеск, Урюпеск*. Полная форма встречается в названиях реже: (лес) *Шишевский*, (поле) *Половецкое*.

Онимы, имеющие форму краткого качественного прилагательного, единичны: (град) *Бел*.

Менее употребительной является форма имени существительного. Она встречается и у ойконимов: *Дубок, Ижеславец, Ломихвост, Исады*, и у гидронимов: *Лыбедь, Плава*.

3.2. Топоосновы

Вопрос выделения топооснов и топоформантов региональных топонимов неразрывно связан с вопросом их происхождения. При этом наиболее важным представляется решение вопроса образования онима от апеллятива или от онима иного вида. Среди названий, путь происхождения которых более или менее надежно установлен, наиболее многочисленную группу составляют топонимы, образованные на основе онимов иного вида. Речь в данном случае идет о названиях поселений и единичных названиях природных объектов, которые восходят к основам антропонимов, гидронимов, ойконимов, хоронимов.

Названия древнерусских поселений преимущественно связаны с основами антропонимов: *Ростиславль – Ростислав, Кир Михайлов – Кир Михаил, Борисов Глебов – Борис и Глеб, Олгов – Олег, Никитин – Никита / Никитин, Михайлов – Михаил / Михайлов, Шилов – Шило / Шилов, Шипино – Шипа / Шипин*, или гидронимов: *Венев – р. Венева, Нерильск – р. Нерль, Пронеск – р. Проня*. Это самые распространенные типы производящих основ.

Производящей основой для ойконима могла служить основа другого ойконима, но данный тип в региональной топонимии (в частности, среди названий городов) встречается редко, в рязанском списке представлены только два примера: *Ижеславец – Ижеславль* или *Изяславль, Олгов* (новый городок) – *Олгов*. Положение подкрепляется и данными других русских регионов.

Среди топонимов отыменного происхождения: название *Шишевского* леса, которое может быть связано как с основой гидронима, так и с основой ойконима, что более вероятно (в смежной топонимии известны и река *Шиш* и поселение *Шишево*), но в любом случае основа микротопонима в словообразовательной цепи оказывается вторичной; название *Половецкого* поля, восходящее к основе одноименного названия степи; название местности *Червленый Яр*, дублирующее название микротопонима или гидронима.

В гидронимии рассматриваемый тип основ, а в связи с этим и отыменной путь происхождения, оказывается непродуктивным.

Вторая группа – топонимы отапеллятивного происхождения (рассматриваются и

некоторые первичные онимы, с которыми связаны имена первой группы). Данная группа представлена топоосновами: *бобруй* – от «бобёр», *жернов* – «приспособления для перемалывания зерна», *ров* – «длинное углубление в земле», *солодь* – «топь, болото», *труб* – от *труба* «протока, рукав реки», и топоосновами, сопоставимыми с исходными апеллятивами: *дубок* «дубовый лесок», *сот* «ячейка с медом», *лыбедь* «лебедь», *град* (*город*) «город», *городок* «небольшой город», *яр* «овраг, обрыв», *плав* (*плава*) «зыбун, болото с верхним растительным покровом» (о возможной связи гидронима *Плава* с данным апеллятивом говорится в Топонимической словаре Центральной России [11. С. 261], хотя более вероятно балтийское происхождение топонима), *исад* – «место у реки, где высаживаются на берег; пристань».

Представленный фонд топооснов позволяет говорить о том, что при образовании региональных топонимов в древнерусский период активно использовалась географическая лексика различного содержания, а также поселищная терминология. Образная лексика (термины-метафоры) отмечена только среди гидронимических апеллятивов.

В роли определений при главном слове могли использоваться прилагательные: *червленый* «красный», *бел* «белый» (апеллятив многозначный: цветовое обозначение стороны света (север), цвет грунта (залежи мела), цвет крепостных стен (из белого камня); определение, как было отмечено выше, могло выступать и в роли самостоятельного онима: град *Бел*), *новый*, *добрыи*, *польский* (от *поле*).

В ряде случаев выделение топоосновы и топоформанта в названии затруднительно. Так, например, в гидрониме *Листань* может быть обнаружена топооснова *лист* + топонимобразующий формант *-ань* либо топооснова, равная исходному апеллятиву – прилагательному *листань*, при онимизации которого использовался суффикс *-ь*, «лиственная, покрытая опавшими листьями» (такое название могла получить река, протекающая по лиственному лесу). Двойное определение структуры допустимо и для ойконима *Тешилов*, так как финаль *-ов* может быть и частью производящей основы, например, антропонима *Тешилов*, от кото-

рого образовалось название города, и топонимобразующим формантом от основы *тешил* -.

В числе названий, допускающих различные пути происхождения и, как следствие, различные варианты членения топонимической основы и форманта, ойконимы: *Рязань*, *Казарь*, *Переяславль*. Нетипичную структуру имеет ойконим *Корнике* (*Корникъ*), приводимый в Списке русских городов Воскресенской летописи. В связи с тем, что ойконим в иных известных документах не встречается, а приведенная форма является для древнерусской топонимии нетипичной, нельзя исключать возможности неправильной записи топонима и, как следствие, всевозможных ошибок при его анализе.

Структура других топонимов прозрачна, но семантика топоосновы не установлена или допускает различное, подчас взаимоисключающее объяснение, в том числе и на базе неславянских языков. Среди таких топооснов: *вен-*, *колт-* (?*кулат-*), *крилат-*, *ласк-*, *опак-*, *ран-*, *свин-*, *урюп-*, *шиш-*. Для отдельных названий, содержащих указанные топоосновы, возможен следующий комментарий.

Топоним *Ласково* мог быть образован: 1) на базе местного географического термина, измененного *лоск* «овраг»; 2) на базе антропонима: в Никоновской летописи под 1184 годом записи упоминается воевода полка белозерцев Фома *Ласков* [3. Т. 10. С. 9; 2. С. 88].

Топоним *Опак* может быть сопоставлен с ойконимом *Опока* (залесск., ныне пск.), который связывают с апеллятивом *опока* «меловой известняк» [10. С. 311].

Любопытным с точки зрения структуры является ойконим *Ломихвост* (*Ломихвостъ*, кон. XIV в.). По версии, закрепившейся в краеведческой литературе, оним связан с диалектным названием сокола – *ломихвост*, отражающим резкое изменение положение хвоста птицы при охоте.

Действительно, некоторые народные названия образованы от словосочетаний подобного типа. В словаре В. Даля приводятся, в частности, *ломикамень* «разрыв-трава», *ломонос* «бородавник, жигунец, нищая трава», *перекати-поле* «растение кучерявка» [9. II. С. 225; III. С. 49]. К подобным словосочетаниям восходят также имена-

прозвища людей: *Загнибеда, Варивода, Непитиво, Паливода, Печибориц, Убийвовк, Лутирыба* и под., особенно характерные для Украины. Представляет интерес в этой связи и народное название дня 18 января – *Афанасья-ломоноса*, или *Афанасья берегинос* [9. II. С. 225]. Таким образом, со словосочетаниями, содержащими, в том числе, и глагольные формы в повелительном наклонении, связана апеллятивная и ономастическая лексика разного вида: названия растений, народных дат, имена людей. Это делает возможным объяснение апеллятива *ломихвост* как народного названия птицы (в этом случае образное выражение *ломи хвост* относится, скорее, не к виду самой птицы, а к способу охоты: свою добычу сокол не берет с земли, не хватает, а «бьёт на лету», внезапно ударяя в нее стрелой – отлетным когтем, такой способ охоты сокола описан в словаре В. Даля, см.: [9. IV. С. 122]), хотя наличие данной лексемы в русских диалектах не подтверждено. Сомнительными в этом случае представляются заложенный в названии принцип номинации и модель, по которой построен топоним. Более вероятно образование топонима *Ломихвост* от прозвища человека *Ломихвост*.

Для гидронима *Венева*, с которым связан ойконим *Венев* (город был заложен при впадении этой реки в Осётр), предлагаются две версии происхождения: 1) от географического апеллятива со значением «извилистая» (**venъ* от **viti*, **vъja*), что могло отражать характерную форму русла реки; 2) от антропонима с основой *Вен-* [10. С. 93; 11. С. 49-50]. С антропонимической основой связывают и гидроним *Ранова*: от *Ранъ* или *Рано* (ср. *Вадова, Радова, Дедова* и другие аналогичные образования в гидронимии Правобережной Украины), но нами предложены также версии субстратного происхождения топонима, об этом см.: [7. С. 36].

3.3. Топоформанты

Фонд топоформантов региональной топонимии древнерусского периода включал в себя, судя по имеющимся данным, форманты: *-ьск (-ьскъ, -еск), -ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ) -ский (-скый), -инское* (с вариантами для названий среднего и женского рода), *-ьнъ (-енъ), -ъь, -ец (-ецъ), -ище, -еж, -ша, -ня*.

Из них наиболее продуктивны форман-

ты: *-ьск (-ьскъ) / -еск и -ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ)* (с вариантами для онимов среднего или женского рода).

Форманты *-ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ)* и варианты для среднего и женского рода представлены наибольшим количеством примеров в региональной топонимии: *Тешилов, Вердерев, Никитин, Ласково, Шипино, Венев, Ранова* и др. Наиболее типично оформление формантом *-ов* онимов отантропонимического происхождения: *Борисов Глебов, Олгов, Михайлов* и т. д. (названия этого ряда фиксируются в регионе с сер. XII в.).

В ряде случаев формы антропонима и топонима омонимичны или форма исходного антропонима затемнена (*Шипино* – от *Шипин* или *Шип, Шилов* – от *Шилов* или *Шило*). По всей видимости, такое объяснение допустимо и для топонима *Воин* [?] (кон. XIV в. – *Воино*) – от *Воин*, но по аналогии исходным именем может быть и *Вои*.

Все зафиксированные топонимы данного ряда относятся к поселениям (преимущественно городам). Названия с данными формантами известны в тот же период и в других регионах: *Микулин* (литовск.), *Кошкин* (залесск.) и под., см.: [3. Т. 7. С. 241].

Формант *-ьск (-ьскъ) / -еск* представлен в названиях *Пронеск, Бобруеск, Ужеск, Крилатеск, Нерильск (Нериньск, Неринеск), Перевитеск, Свинеск* и др. Те онимы, происхождение которых установлено, дают основание говорить о том, что формант в большинстве случаев участвовал в образовании названий городов, соотносимых с названиями смежных рек: *Пронеск* – р. *Проня*, *Бобруеск* – р. *Бобруйя*, *Нерильск* – р. *Нерль*. Формант фиксируется в составе топонимов с сер. XII в. Примеры его участия в образовании топонимов иных регионов также многочисленны. В списке русских городов Воскресенской летописи приводятся, в частности, *Глинеск, Сновеск, Трубческ, Рылеск, Свинеск, Торческ* [3. Т. 7. С. 241] – города разных русских областей.

Чётко прослеживаемая связь форманта и пути образования в двух приведенных структурных рядах говорит о типичности этих вариантов трансонимизации, что помогает, в частности, уйти от двоякого объяснения происхождения отдельных названий, особенно составляющих пару со

смежным ойконимом или гидронимом, как, например, г. *Воин [?]* – р. *Воина*, определение «первичного» и «вторичного» названия в которой всегда вызывало затруднение у исследователей. Учет различий двух структурных рядов позволяет утверждать, что при первичности гидронима название поселения имело бы форму *Воинск* (*Воиньск*, *Воинск*).

Формант *-jь* использовался при образовании топонимов в форме притяжательного прилагательного. Исходной основой служили основы антропонимов: *Ростиславль*, а также, возможно, *Рославль (Полский)*, допускающий и иной путь образования; примеры из других регионов: *Ярославль*, *Мстиславль* (залесск.) [3. Т. 7. С. 241].

В топониме формант *-jь* является выражителем принадлежности называемого объекта упоминаемому лицу. В Повести временных лет имеется весьма показательный пример: «Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславъ и Чудинъ» (Об убийстве Игоря и мести Ольги древлянам) [1. С. 12]. Четыре однотипных словосочетания, встречающихся в данном отрывке, показывают, что притяжательные прилагательные от антропонимов различного типа образовывались при помощи различных суффиксов: от имени, оканчивающегося на гласную или мягкий согласный (*Гордята*, *Чудь*) – *-инъ*; на твердый согл. (*Никифор*) – *-овъ*, а на *-в* (*Воротиславъ*) – *-jь*, закономерно давший *-vl'* (*-вь*). Для региональной топонимии представляется важным, что топонимы, имеющие формы, аналогичные форме *Воротиславль* (например, *Ростиславль*, *Мстиславль*), отражают те же отношения между эпонимом и референтом имени.

Древнерусская топонимия других регионов позволяет говорить о том, что формант *-jь* участвовал в топонимизации антропонимов, оканчивающихся на *-н* (*Ивань*, *Степань*, *Хотень*), на *-р* (*Хороборъ*) [2. С. 220].

Нетипично использование форманта *-jь* при образовании ойконима от основы гидронима. Так мог быть образован ойконим *Пронь* – путём преобразования финали гидронима *Проня*. Нетипичность такого пути трансонимизации подтверждает и параллельная форма *Пронеск*, известная в тот же период и со временем сохранившаяся за

объектом как единственное его название. Возможно, тот же формант мы видим в топонимах *Рязань*, *Казарь*.

Таким образом, формант *-jь* мог обслуживать трансонимизацию: антропоним → ойконим и, возможно, гидроним → ойконим. Формант чрезвычайно активен в древнерусской ойконимии. В Среднем Поочье первый пример названия данного ряда фиксируется в кон. XI в. (*Рязань*), другие примеры – в сер. XII в. (*Казарь*, *Ростиславль*).

Формант *-ец* (*-ець*) участвует в образовании названия города, соотносимого с другим, уже известным городом: *Ростов – Ростовец*, *Ярославль – Ярославец*. Имеющиеся примеры говорят о том, что данный формант чаще всего оформлял названия, восходящие к антропонимам, что, возможно, неслучайно (оба города могли быть основаны одним человеком). Впрочем, известны и иные модели, в которых формант оформлял основу гидронима: тверск. *Торропец* – от смежного гидронима *Торона*.

Участие данного форманта в образовании славянских топонимов известно уже в X в.: город *Переяславец* (имеется в виду *Переяславец на Дунае*, болгарский город *Преслав*) фиксируется в летописях под 971 г. в Повести о походе Святослава на Византию (Повесть временных лет) [1. С. 15].

Единичность примера топонима на *-ец* (*-ець*) в рязанской топонимии затрудняет определения периода активности данного форманта в регионе, можно говорить лишь о том, что топоним *Ижеславец* возник до 1237 г., так как в этом году, как сообщают источники, город уже был уничтожен. Тверской топоним с тем же формантом фиксируется во вт. пол. XII в. [10. С. 420].

Среди летописных топонимов единичны примеры образований с формантом *-ский* (др.-р. *-скый*). В рязанской топонимии он отмечен только у названия леса, зависимого в структурном плане от смежных онимов: р. *Шиш* – с. *Шишево* – лес *Шишевский*. Очевидно, формант более характерен для раннесредневековой топонимии.

Другие форманты: *-еж*, *-ша*, *-ня*, *-ва*, *-ова*, несмотря на единичность зафиксированных в летописях примеров (*Трубезь*, *Солотша*, *Проня*, *Плава*, *Ранова*), представляют четко выделяемые в разных регионах славянского мира гидронимические ряды. Так, в частности, по данным Г. П. Смолиц-

кой, формант *-еж* (с вариантами *-иж*, *-яж*) «часто оформляет гидронимы в бассейне Днепра (*Любезж, Литяж, Нитяж*) и в междуречье Ока – Волга (*Иневеж, Кучебиж* и др.)» [11. С. 354]. Названия на *-ова* составляют многочисленную группу в гидронимии Правобережной Украины [13. С. 16; 12. С. 155]. Ареалы названий с перечисленными формантами на территории Среднего (рязанского) Поочья и этимология названий подробно рассмотрены нами в Топонимическом атласе Рязанской области [7. 2015].

Также уже известен способ образования топонимов в форме множественного числа. Первое название такого типа фиксируется в рязанской топонимии в нач. XIII в. (*Исады*).

Несколько обособленно в плане формантой характеристики стоит топоним *Дубечень*, сопоставимый с названиями типа *Пересъчень* (киевск.) [3. Т. 7. С. 241], представляющих ряд на *-ьнь (-ень)* (исначально суффикс кратких относительных прилагательных типа *чьстьнь*).

При условии образования топонимов от апеллятивов *град, городок, дубок* и т. д. (см. выше) специальные топонимические форманты вряд ли возможно выделить у онимов *Бельград, Новгородок, Дубок, Ломихвост, Лыбедь*.

4. Заключение

Проведенный структурный и этимологический анализ летописных названий Рязанской земли позволил определить актуальные в регионе топоосновы и топоформанты древнерусского времени, основные пути происхождения рязанских названий

и реализованные при этом принципы номинации. Исследование показало, что наибольшую группу образуют названия, отражающие соотношение двух объектов (поселение < река: *Нерильск* (р. *Нерль*); поселение < поселение: *Ижеславец* (*Ижеславль*); природный объект < поселение: *Шишевский лес* (пос. *Шишево*) и др.), и названия по принадлежности называемого объекта определенному лицу (г. *Кур Михаилов* (по имени князя *Кира Михаила*). Также в региональной топонимии отмечены названия, данные в память о ком-либо (*Борисов Глебов*, в память о князьях *Борисе* и *Глебе*), названия, отражающие факт основания нового поселения (*Новый город*), названия, данные по роду занятий населения (*Добрый Сот*). Иные принципы номинации воплощены в гидронимии, которая преимущественно отражает физико-географические особенности водных объектов.

Преобладают топонимы простой (однословной) структуры, имеющие форму прилагательного (*Бобруеск, Вердерева, Листань*). Подавляющее число названий образовано от основ других онимов, чаще всего антропонимов и гидронимов: *Ростиславль* (*Ростислав*), *Пронеск* (р. *Проня*). Топоосновы многих названий отапельлятивного происхождения (как правило, связанных с географической лексикой и поселищной терминологией) равны исходным апеллятивам: *дубок, сот, яр, град, городок* и др. Среди топоформантов наиболее продуктивны: *-ьск (-ьскъ, еск)* и *-ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ)* (с вариантами для онимов среднего или женского рода).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Древняя русская литература. Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М.: Просвещение, 1980. 399 с.
2. «И были полки Ольговы...»: Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х гг. XVI в. / Сост. А. И. Цепков. М.: Прогресс-Культура, 1994. 512 с.
3. Полное собрание русских летописей: в 43-х тт. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1841–2004. 43 т. 1846. Т. 1; 1856. Т. 7; 1862. Т. 9; 1885. Т. 10.
4. *Татищев В. Н.* История Российская: в VII т. М.-Л.: Наука, 1962–1965. 1963. Т. II; 1964. Т. III; 1965. Т. V.
5. *Беляев Л. А.* Борисоглебский храм: новые исследования (1999 – 2004 гг.) // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 105–153.
6. *Гордова Ю. Ю.* Рязанские топонимы, упоминаемые в древнерусских памятниках письменности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 1. С.

110-115.

7. *Гордова Ю. Ю.* Топонимический атлас Рязанской области / Российская акад. наук, Ин-т языкознания; науч. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 2015.

8. *Гордова Ю. Ю.* Топонимия Рязанской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник / [учред.: В. В. Коростылев, Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества]. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества. Рязань, 2006. Вып. 37.

9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

10. *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: Русские словари: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2002.

11. *Смолицкая Г. П.* Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002.

12. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / Академия наук СССР, Институт славяноведения; отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

13. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация. М.: Наука, 1968.

REFERENCES

1. Drevnyaya russkaya literatura. Hrestomatiya / Sost. N. I. Prokof'ev. M.: Prosveshchenie, 1980. 399 s.

2. «I byli polki Ol'govy...»: Svod letopisnyh izvestij o Ryazanskom krae i sopredel'nyh zemlyah do 50-h gg. XVI v. / Sost. A. I. Cepkov. M.: Progress-Kul'tura, 1994. 512 s.

3. Polnoe sobranie russkih letopisej: v 43-h tt. SPb.: Izdanie Arheograficheskoy komissii, 1841-2004. 43 t. 1846. T. 1; 1856. T. 7; 1862. T. 9; 1885. T. 10.

4. Tatischev V. N. Istoriya Rossijskaya: v VII t. M.-L.: Nauka, 1962-1965. 1963. T. II; 1964. T. III; 1965. T. V.

5. *Belyaev L. A.* Borisoglebskij hram: novye issledovaniya (1999 – 2004 gg.) // Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arheologicheskie issledovaniya i materialy. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. S. 105-153.

6. *Gordova Yu. Yu.* Ryazanskie toponimy, upominaemye v drevnerusskih pamyatnikah pis'mennosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 12 (90). Ch. 1. S. 110-115.

7. *Gordova Yu. Yu.* Топонимический атлас Рязанской области / Rossijskaya akad. nauk, In-t yazykoznaniya; nauch. red. A.V. Superanskaya. M.: Nauka, 2015.

8. *Gordova Yu. Yu.* Топонимия Рязанской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник / [учред.: В. В. Коростылев, Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества]. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества. Рязань, 2006. Вып. 37.

9. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 tt. M.: OLMA-PRESS, 2004.

10. *Pospelov E. M.* Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar'. M.: Russkie slovari: Izdatel'stvo Astrel', Izdatel'stvo AST, 2002.

11. *Smolickaya G. P.* Топонимический словарь Central'noj Rossii. M.: Armada-press, 2002.

12. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / Академия наук СССР, Институт славяноведения; отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

13. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация. М.: Наука, 1968.